К ВЫХОДУ В СВЕТ НАУЧНОГО СБОРНИКА В ЧЕСТЬ ГАБРИЭЛЯ СУПЕРФИНА («ГАБРИЭЛИАДА». Тарту, «Ruthenia», 2008)

«ДГ» от души поздравляет как счастливых читателей, так и самих издателей веселых и серьезных юбилейных материалов, опубликованных в Тарту («Ruthenia») и в Санкт-Петербурге («Звезда»), которые мы ниже представляем очень выборочно, но настойчиво рекомендуем всем друзьям прочитать по возможности целиком.

ОТ РЕДАКТОРОВ СБОРНИКА

Среди наших общих друзей есть две тенденции, два направления в искусстве коверкания имен и по одному ведущему представителю каждого направления. Один сокращает все фамилии до кратчайшего осмысленного элемента (скажем – намеренно плоский пример – Иванов должен стать чем-то вроде Ивы), другой, напротив, непременно удлиняет фамилию, достраивая ее до осмысленного целого (так одного из авторов настоящей заметки он в молодости называл Блевинтон, что, впрочем, было плагиатом известного прозвища Л.С. Пушкина). Нетрудно понять, что второй тенденции придерживался юбиляр, видимо полагавший, что уж его фамилию удлинить некуда. За что и был прозван (представителем первого направления) Супчиком и даже Супой.

Когда одна американская коллега услышала его фамилию, она ответила лаконично «physically impossible!». Может быть, именно это ощущение побуждало к такому обильному именотворчеству. Сколько было прозвищ! Кто-то уподобил его поведение на Рижском взморье персонажу мультфильма «Каникулы Бонифация». По уже сформулированному правилу он скоро стал Бонькой, но на этом словообразование не остановилось, вспоминается эпизод из весны или лета 1973 г., когда один из его друзей, позвонив другому, спросил: «Ну, как там Бонавентура?»

Анекдоты о Суперфине многочисленны и в значительной части остроумны. Многие из них уже собрал Р.Д. Тименчик в юбилейной статье «Супер»[1].

Юбилеи предполагают подведение итогов и оценку результатов. Обычно рассказы о необычайных способностях Суперфина (вполне справедливые и этимологически оправданные)[2] относятся к его молодости, до того, как он пожертвовал или пренебрег ими ради того, что счел своим долгом[3]. Среди других талантливых филологов своего поколения Суперфин выделялся широтой интересов, остававшихся при этом вполне профессиональными (что приближало его скорее к предыдущему поколению, поколению учителей), сюда входили и фольклор (недописанная и утраченная, но много обещавшая работа об инцесте)[4], и литературоведение (литературоведческое знание, как XX, так и XIX веков), и лингвистическая осведомленность, как теоретическая, так и практическая (далекая от свободного владения языками, но все-таки дававшая доступ и к собственно лингвистическому материалу и к текстам на самых различных языках).

Габриэль Суперфин на своем рабочем месте в Архиве. Бремен, сентябрь 2008. ***Фото СВД***

В первом же «круговом» письме из лагеря Суперфин, помнится, поблагодарил одного из адресатов за то, что тот «обошелся без некрологических умилений». Если мы позволили себе пассаж, несколько отдающий некрологическим тоном, то только потому, что все эти риторические (и реальные) красоты относятся к молодости, если не к юности Суперфина, потому что как ни ценен и содержателен печатный «выход» этого периода, он несоизмерим с обещаниями и ожиданиями тех лет[5]. Дальше его жизнь шла под другими светилами, с другими установками и критериями. Однако последний, Бременский период (город, для большинства из нас ассоциирующийся прежде всего с Гриммовской сказкой) стал своеобразным синтезом предшествующих этапов (не говоря уже о неожиданных протуберанцах, вроде статьи об Агееве–Леви).

Однако, что бы мы ни говорили о результатах этого первого, собственно научного периода Суперфина, несомненно, что весь облик нашего поколения в науке (а тем самым и последующих) без Супера был бы иным[6]. Не будучи активным участником этой работы (во всяком случае, участие это не соответствовало его возможностям и способностям), он еще в 60-е–70-е годы сыграл роль важнейшего катализатора, и многие из современников, способные осознать и оценить чужие научные биографии и собственные судьбы, не могут не сознавать присутствия и влияния в этих судьбах Г.Суперфина.

Тименчик процитировал песню Я.А. Габовича, тартуского genius loci, посвященную Суперфину, в том смысле, что строки «наш Гарик продолжает куролесить» не потеряли актуальности. Но мы рады все-таки отметить, что мрачное (педагогическое) предсказание в финале этой песни так и не оправдалось, хотя были времена, когда казалось иначе.

Георгий ЛЕВИНТОН
Никита ОХОТИН

Санкт-Петербург – Москва

[1] Звезда, 2008, № 9.

[2] Вроде того, как он неожиданно отредактировал книжку Шеворошкина о лидийском языке или поправлял ошибки мемуаристов, когда работал в «Новом мире».

[3] Хотя по рассказам, например, Тименчика (см. сн. 1), он и в «Хронику» вносил некоторый элемент академического педантизма.

[4] О ней (и о знакомстве с Суперфином) один из авторов писал в заметке о другом юбиляре, см.: *Н.Б. Вахтин, Г.А. Левинтон.* От редакторов // АБ-60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). СПб: Изд-во Европейск. ун-та в СПб., 2007. С. 10–11.

[5] К нему, впрочем, нужно прибавить немалое количество ссылок на устные сообщения, благодарностей за советы и подсказки (а к ним, в свою очередь, те нередкие случаи, когда заслуженные благодарности почему-либо отсутствуют).

[6] Один из авторов располагает биографическим примером, наглядно показывающим, насколько Суперфин воспринимался как представитель «нас всех». Ю.М. Лотман всегда оставался в уверенности, что мое полное имя – Габриэль, потому что для него «Гарик» было уменьшительным от «Габриэля».

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

СУПЕР

Не только я, но, кажется, уже и все современники, и историки советского житья-бытья забыли, что у него вообще-то весьма смешная фамилия. Я впервые услышал ее в начале 1963-го, когда московский школьник Дима Борисов рассказал мне, что они с одноклассниками играют в рифмы-консонансы и одноклассник Витя Живов нашел отличнейший консонанс к «Супрафону», к болтавшемуся тогда на слуху имени чешских грампластинок. Я спросил, а кто этот щекочущий перепонку Суперфин, Дима ответил: «Один книжник». Спустя много лет, оказавшись туристом впервые за пределами СССР, в Хельсинки, я попросил тамошних коллег переслать в Мюнхен сотруднику радиостанции «Свобода» что-то не вовсе легально вывезенное мной из Москвы от гр-на Живова В.М. Они просьбу выполнили, но почему-то, вернувшись с почты, хихикали. Я не понял почему, а они объяснили: ну как же, Супер – финн.

В обиходе он, естественно, Супер. Я услышал это имя в такой уже форме год спустя в Тарту, когда отделение русской филологии гудело новостью о свежеприобретенном в Москве выдающемся студенте. Потом я визуально пережил столь ценимое классическим структурализмом чувство обманутого ожидания, когда суггестивная суперлативность фамилии ударилась о некрупную корпуленцию, о которой филфаковский поэт, покойный уже замечательный Светлан Семененко, писал в лироэпическом портрете: «...не взяв ни ростом и ни телом, он забавлялся, как умел».

Все это происходило в те времена, когда возрастная разница в год-два очень много значила в смысле приближенности к будущей профессии. Он стал моим настоящим учителем (хотя и до того я не был обделен возможностью слышать обмен репликами между моими старшими однокашниками, личностями не менее значительными). Потому мне приходится отвести напрашивающийся упрек «все о себе». Пишу о себе как его ученике.

Воспитанников у него много, не обо всех, я думаю, он сам помнит, не все из них, кажется, помнят об этом. Это и понятно: всего не упомнишь. Он всегда учился, уча. Помню его ухватки сельского педагога, когда конспиративными недомолвками он инструктировал, как надо обрабатывать заметки для «Хроники текущих событий», – поучал не только вдохновенного рекрута, но и одного из основателей этого самопечатного органа.

Я сказал о конспиративных недомолвках, но мы-то, закосневшие формалисты, знаем, что речевая установка сама себе подыщет мотивировки – культурные, социальные, политические. Как сорок лет тому назад, так и сегодня он редко-редко договорит фразу до конца. Его персональная библиография – ослепительный перечень незавершенных работ. Вот этому паритету сделанного и только замышленного в истории русской культуры он и учил одного из своих первых учеников – меня. Вообще, всякая успешливость, гармоничная результативность для него всегда как будто существовали под знаком некой первородной сомнительности, начиная, повторюсь, с правильно сложенной фразы. Он и сам изводил собеседника, и обучил запинающейся речи половину тартуских филологов, вставляя «вот» перед каждым словом во фразе, даже если это слово само было «вот». Из других взрывчатых материалов на этой незнаменитой партизанской войне с филологической гладкоречью запомнилось еще бессмысленное и открывавшее каждую фразу «на самом деле».

«Архивные фрагменты» – назвал он одну из первых своих публикаций (надо ли добавлять, что, конечно, несостоявшуюся – таллинская цензура уважительно поддержала наметившуюся в общих чертах речевую установку). Эти несколько страниц для меня стали главным учебником по филологии, я и пытаюсь им с переменным успехом подражать вот уже четыре десятилетия.

Метод его заключался в восстановлении былой сопряженности далековатых имен, попранной эпохой Великого Беспамятства. Первый «архивный фрагмент» отправлялся от имени Маяковского, встретившегося Кузмину в «Бродячей собаке» в 1915 году. Дневник Кузмина фиксировал сначала, что тот показался живее и талантливее другого дылды – Петра Потемкина, потом, через четыре месяца, что он надоел слегка. Суперу выдали в ЦГАЛИ альбом Судейкина, там был записан экспромт Маяковского, тогда еще никому не известный. «Приятно Марсовым вечером / Пить кузминской речи ром». Сочинено в квартире Судейкиных на Марсовом поле, в доме Адамини. Все это обросло обширным комментарием, окружившим фигуру Маяковского хороводом богемцев, великолепных неудачников, пестря и карябая пресловутый хрестоматийный глянец. Работа Суперфина, как уже сказано, света не увидела (потом из нее выросла наша с Александром Парнисом объемистая хроника знаменитого петербургского кабаре), но, выражаясь штилем тронутой им эпохи, ноздри его почуяли бриз архивной удачи, и он пустился дозором обходить архивохранилища обеих столиц, наполняя свои амбарные книги копиями, сгодившимися потом не столько ему, сколько последующим новобранцам историко-архивного поиска. Из неожиданных столкновений имен в теснинах личных фондов проистекали его веселые догадки. К примеру, школа Карабаса-Барабаса как пародия на гумилевский Цех поэтов.

Как учил он младших целительному косноязычию, так же заразительно он приобщал их к бешеным архивным забавам.

Ритуал этой охоты был строг. Егеря не трубили, но каждый охотник, желавший знать, начинал знакомство с очередным фондом с последних единиц в описи – с писем неустановленных лиц. Еще лучше – с писем неустановленных лиц к неустановленным лицам. Тогда еще в описях водились такие царь-грибы, как письмо неустановленного лица Максимилиана Александровича к неустановленному лицу Вячеславу Ивановичу. Ну а затем – к фрагментам неопознанных сочинений – отрывок, начинающийся словами «И каждый вечер в час назначенный» и т. п.

Кажется, впрочем, что он в своем романтическом архивоведении был не первым. Первых вообще не бывает – это мы довольно скоро все, занимаясь историей литературы начала века, поняли. И у него были друзья, старше его на год-другой, – хотя бы Коля Котрелев, ныне по какой-то непривычной справедливости истории ставший легитимным главой «Литературного наследства», этого отчего дома и детского рая архивных фрагментов; хотя бы Саша Морозов, родоначальник мандельштамоведения; да и Леня Чертков, еще и в новом веке напоминающий о своем уходе первыми строчками в листах использования архивных единиц.

Логика источниковедческого азарта вкупе с постоянным, несколько нервным интересом к недавним тайнам отечественной истории (принесшим ему ласковое прозвище в рядах работников политического сыска – «Большая антисоветская энциклопедия»), да еще с представлением об обязанностях гуманитария перед гуманитарными ценностями, сместили его внимание и энергию к событиям послереволюционной эпохи – он готовил к тамиздатской печати воспоминания Бориса Меньшагина, одного из рассказчиков о катыньской трагедии, он вошел в круг солженицынских «невидимок» (так что за иконографией отсылаем к последнему изданию «Теленка»). Тут пора уже передать слово академической биографической справке, составленной помянутым выше вдохновенным рекрутом:

«Суперфин Габриэль Гавриилович. Родился 18 сентября 1943 г. в г. Кез Удмуртской АССР. В 1964–1969 учился на отделении русской филологии истори-

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

ко-филологического факультета Тартуского университета (ученик профессора Ю.М. Лотмана), отчислен по представлению КГБ. В 1970–1972 – один из редакторов подпольного правозащитного бюллетеня "Хроника текущих событий". В июле 1973 арестован, в мае 1974 приговорен Орловским областным судом по статье 70 (антисоветская агитация и пропаганда) к 5 годам заключения и 2 годам ссылки. Срок отбывал в пермских политических лагерях и Владимирской тюрьме, ссылку – в г. Тургай Казахской ССР. В 1980–1982 жил в Тарту, работал в газетном киоске. В июне 1983 эмигрировал из СССР, поселился в Германии. В 1984–1994 – сотрудник Архива Самиздата Радио "Свобода". С января 1995 – архивариус Института изучения Восточной Европы Бременского университета. Научные интересы: источниковедение, библиография, история литературы XX века».

Из этой справки с очевидностью вытекает, что мало-мальски подробно о деятельности этого человека может написать только коллектив, включающий профессионалов разных специальностей. Далеко не все стороны его деятельности мне известны, а это именно деятельность, дело, деяние, без дела он ни часу не может прожить. Из того, что мне ведомо, я бы, например, назвал его совместную с М.Сорокиной статью «"Был такой писатель Агеев": версия судьбы, или О пользе наивного биографизма». Отменно написанный роман 1930-х годов, обозначенный на титуле именем М.Агеева, читательское восхищение 1980-х не хотело отдавать сомнительному и безвестному Леви, как называли некоторые современники имя подлинного автора, а норовило передарить Набокову. Но пришел Суперфин и все испортил.

Эту статью я каждый год включаю в список обязательной литературы по университетскому курсу библиографии и источниковедения. И поймал себя на том, что при этом я и перечитываю ее каждый год. И конец этой детективной истории знаю, а все равно перечитываю:

«"Роман с кокаином" представляет собой широко распространенный в 20-е годы тип «романа с ключом». Приметы времени, места, фигуры реально существовавших лиц буквально в изобилии рассыпаны по всему тексту, образуя не слишком сложную литературную головоломку.

Несколько лет тому назад один из авторов этой статьи (Г.Суперфин) высказал предположение, что хронотоп романа носит явственно очерченный автобиографический характер, «биографическое время» пронизывает всю сюжетную канву произведения, и, следовательно, можно попытаться «математически» вычислить имя его автора. Для этого надо сравнить список выпускников московской частной гимназии Р.Ф. Креймана (в романе – Клеймана) 1916-го со списками поступивших в том же году на юридический факультет Московского университета (главный герой романа Вадим Масленников учился именно там). Совпадение имен могло бы указать на возможного автора. Первая же попытка проверить эту гипотезу привела к самым неожиданным результатам. Среди фрагментарно сохранившихся материалов креймановской гимназии удалось обнаружить протокол заседания педагогического совета от 28 апреля 1916, зафиксировавший отметки учеников выпускного класса. Под номером 12 в нем значился Марк Леви! И рядом еще три имени действующих лиц "Романа" – Василий Буркевиц, Айзенберг, Тикиджянц (в романе – Такаджиев). В числе прочих педагогов протокол подписан С.В. Семеновым и В.В. фон Фолькманом – учителями, также фигурировавшими в романе. <...> Архивы – отнюдь не закрытые и всем доступные – сохранили немало материалов, проливающих свет на жизненные реалии «загадочного господина Агеева» – Марка Леви. Конечно же, в фонде Московского университета нашлось его личное дело студента – как и Вадим Масленников, он учился здесь с осени 1916. Но самое удивительное ожидало нас прямо на первой странице личного дела. Подшитое в обратном хронологическом порядке, оно начиналось с документа июля 1952 года! Ереванский государственный педагогический институт иностранных языков запрашивал МГУ о том, какие документы представлял "преподаватель нашего института Марк Лазаревич Леви" при поступлении в университет. Получалось, что <...> таинственный автор "Романа с кокаином" теоретически мог быть еще жив, не ведая о мировой славе своего произведения».

Марк Леви был еще жив в Ереване в июле 1973 года, когда я, находясь там, возбужденный нашедшимися в тамошних спецхранах богатствами по части закавказской периодики времен Гражданской войны, позвонил в Москву нашему общему другу Диме Борисову, чтобы узнать, как найти бегавшего от наружного наблюдения Супера, – мне не терпелось рассказать учителю про находки. Я услышал в трубке, что Гарик арестован. Про следующие семь лет, пять – лагеря [и тюрьмы. – *«ДГ»*] и два – ссылки, он должен рассказывать сам.

Последние тринадцать лет он создавал при Бременском университете изысканную архивную коллекцию по новейшей российской истории. И каждого, кого он инфицировал архивным зудом, подмывает отложить все дела и ринуться в Бремен на архивную ловитву.

Что еще явствует из справки, так это то, что дата, послужившая поводом для разговора о Габриэле Гаврииловиче, не круглая. Но это обстоятельство как раз на редкость точно согласуется с некруглостью, колючей многоугольностью и неисправимой непредсказуемостью этого нашего современника.

Сорок лет назад мы подпевали песне старого тартуского менестреля Якова Абрамовича Габовича на мотив неаполитанской «Тиритомбы»: «Расскажу вам по секрету, что наш Гарик продолжает куролесить». Ничуть не устарело.

Роман ТИМЕНЧИК

Иерусалим

***Илл. слева* – В читальном зале Архива.**
***Илл. справа* – «... наш Гарик продолжает куролесить». (Бремен, 2008. *Фото СВД*)**

HOMMAGE • HOMMAGE • HOMMAGE • HOMMAGE

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

СУПЕРФИН ГАБРИЭЛЬ ГАВРИИЛОВИЧ (р. 18.09.1943, ст. Кез, Кезского р-на, Удмуртия). Филолог, историк, источниковед (псевдонимы Г.ДАЛЬНИЙ, М.БРОННЫЙ, Г.Г. ЧЕРНЫШ).

Фотография из следственного дела. Лефортово, 4 июля 1973. Из Архива диссидентского движения («Мемориал», Москва)

Мать – Бася Григорьевна Позина (1909–1978), инженер; отец – Гавриил Ипполитович Суперфин (1904–1943). В 1960 окончил школу в Москве. Постоянный посетитель литературных чтений у памятника Маяковскому. В 1962–1963 подготовил для самиздата сборник стихотворений Бориса Пастернака, не включенных в авторские сборники. В 1964–1969 – студент историко-филологического факультета Тартуского университета (Эстония). Ученик проф. Ю.М. Лотмана, занимался по индивидуальному плану. Уже в студенческие годы отличался очень широкой филологической и исторической эрудицией, в частности, стал крупным знатоком источников по российской истории и культуре XX в. Автор ряда работ (частично опубликованных) по фольклору, древней и новой русской литературе, истории лингвистики, научной и общественной мысли, русской поэзии XX в. Опубликовал ряд произведений и писем русских поэтов (А.Ахматова, А.Блок, О.Мандельштам, Б.Пастернак). Среди архивных разысканий С. – неизвестные материалы по истории отечественной лингвистики (в частности, рукописи Е.Д. Поливанова и Н.С. Трубецкого). В 1967–1968 С. совместно с А.Б. Рогинским редактировал сборники материалов научных студенческих конференций (сборник 1968 не был пропущен цензурой). В 1968 принял участие в петиционной кампании вокруг «процесса четырех» (дело А.И. Гинзбурга, Ю.Т. Галанскова и др.). В 1969 по представлению КГБ был отчислен из университета.

Вернулся в Москву, работал в отделе проверки журнала «Новый мир». С начала 1970 – один из ведущих сотрудников «Хроники текущих событий» (выпуски № 15–22), участвовал в сборе материалов, их редактировании и размножении. Работал с информацией из тюрем и лагерей (вплоть до осени 1972). Составил и передал в самиздат сборник документов «Существует ли в Советском Союзе цензура?..». Помогал А.И. Солженицыну в работе над повествованием «Красное колесо» своими библиографическими и архивными разысканиями. Опубликовал статью о Мандельштаме в журнале «Вестник РХД» (Париж, напечатана под псевдонимом Г.Дальний) с детальным разбором изданного в США собрания сочинений поэта и с дополнениями к корпусу его текстов. Участвовал в редактировании книги английского советолога П.Реддавея «Неподцензурная Россия» («Uncensored Russia», 1972) – первой книги о советских диссидентах.

В 1972 участвовал в передаче на Запад «Дневников» Э.С. Кузнецова (свидетельство главного подсудимого на «самолетном процессе», написанное в лагере особого режима в Мордовии). В сентябре того же года на квартире у С. был устроен обыск на основе показаний П.И. Якира и В.А. Красина, раскрывших его роль в редактировании «Хроники». В 1972–1973 неоднократно допрашивался в КГБ в качестве свидетеля, показаний не давал. За С. было установлено постоянное оперативное наблюдение, которое он успешно демаскировал.

Арестован в Москве (03.07.1973) и перевезен в г. Орел (там велось следствие по делу В.А. Хаустова и др., к которому первоначально был привлечен С., в дальнейшем его дело было выделено в отдельное производство). В первые месяцы следствия С. давал обширные показания (август–октябрь 1973), в ноябре 1973 отказался от них и охарактеризовал их как «ложные и шкурнические». На процессе В.Хаустова (Орел, март 1974), выступая в качестве свидетеля, С. публично объявил об отказе от всех данных им ранее показаний и заявил протест против высылки из СССР А.И. Солженицына. Осужден Орловским областным судом (12–14.05. 1974) по статье 70 ч. 1 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») на 5 лет лишения свободы в колонии строгого режима и 2 года ссылки. Виновным себя не признал.

Срок отбывал в пермских политических лагерях (09.1974 – 08.1975). Продолжал активную правозащитную деятельность и научную работу (собирал, изучал и передавал на волю сведения о политических преследованиях в СССР), подвергался за это наказаниям (лишение ларька, свиданий). Подписал коллективное письмо политзаключенных в Верховный Совет СССР о переходе на статус политзаключенного (10.12.1974), был за это помещен во внутрилагерную тюрьму, а затем по решению суда (05.08. 1975) отправлен, до конца срока, во Владимирскую тюрьму (08.1975 – 07.1978), участвовал там в акциях сопротивления (голодовки), продолжал научную работу (отдельные его исследования были опубликованы под псевдонимами в советских научных изданиях). С. стал одним из тех, кому посвящен первый выпуск самиздатского исторического сборника «Память» (1976).

В июле 1978 – апреле 1980 отбывал ссылку в г. Тургай (Казахская ССР). После освобождения жил в г. Тарту, работал продавцом в газетном киоске, реставратором в архиве. Опубликовал начатую еще до ареста работу об Н.В. Гоголе (неизвестное письмо к В.А. Панову с обширным комментарием). В начале 1983 уволен с работы без объяснения причин, и после беседы с сотрудником КГБ принял решение об эмиграции из СССР.

Выехал в Германию (02.06.1983). В 1984–1994 – сотрудник отдела «Архив Самиздата» радиостанции «Свобода» (Мюнхен). С 1995 – архивариус Исторического архива в Институте изучения Восточной Европы при Бременском университете (Германия).

Справку составил
Дмитрий ЗУБАРЕВ

Москва

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

«ГДЕ БЫ Я НИ ЖИЛ, Я СТАНОВЛЮСЬ, Я ОСТАЮСЬ ДИССИДЕНТОМ...»

Гарик Суперфин – мой самый трудный друг. Сотканный из неразрешимых противоречий, он – ходячее воплощение наиболее резиньянтных и резистентных гипотез – лингвистической гипотезы невозможности общепонятного высказывания на каком бы то ни было языке, философской гипотезы безудержного отставания знания от новых форм незнания. Разумеется, он терпеть не может фестиштифтов. Разумеется, поморщится при любой попытке всерьез оценить его место в русской общественности второй половины XX и начала XXI века. Собственно, написав это, разве я не должен поставить точку? И – ставлю. Но юбилярам полагаются подарки. Что больше всего ценит Суперфин? Правильно: документ. А вот друзьям юбиляра, интересы которых некрасиво сбрасывать со счетов, пожалуй, может захотеться получить документ, связанный с деятельностью друга. Как раз такой документ и отыскался у меня в архиве. Это – расшифровка магнитофонной записи интервью, которое дал мне Гарик 8 сентября 2000 г. в Берлине по случаю открытия в Академии искусств выставки «Самиздат» из собрания Бременского архива, где мы вместе проработали несколько лет в середине 1990-х гг. Из записанных 45 минут в эфир 15 сентября пошло около 10, магнитофонная запись хранится в Бремене, а вот расшифровка полного текста никогда не публиковалась. Тем временем и она ведь не перестала быть документом.

Так что, Гарик, терпи!

Гасан ГУСЕЙНОВ

Зачем немцам русский самиздат, и в чем смысл твоей работы в Бременском архиве?

Первый вопрос: зачем был нужен самиздат? Не зачем нужен сейчас самиздат в Германии. В конце 1970-х годов была, по-видимому, – то, что сейчас моим современным языком я могу сказать, – мода на диссидентские темы, поэтому люди, по аналогии с уже существовавшим тогда архивом Самиздата на «Радио Свобода», решили создать свой архив, чтобы был в германском учреждении свой архив подобного типа. Нужен ли он сейчас, это болевая точка, и поэтому, я думаю, что просто поскольку институт принципиально не был нацелен на историю, а на современность, то просто не заметили, считали, что самиздат продолжается с начала перестройки, просто приобрел новые виды. А затем уже, с 1991 года наступил некий кризис понимания, и заменили сбор материалов классического самиздата на сбор текущей периодики. Речь идет, предупреждаю, о российской периодике, а не о польских, венгерских и тому подобных делах. А с моим приходом, особенно во время подготовки к выставке, были возобновлены прежние ориентиры для сбора материалов. Когда я пришел в Бремен [1995], осмотрев, что есть архив, я понял, что главная задача лежит в систематизации накопленного и в максимальном продолжении всех линий, которые в зачаточном состоянии уже были, находились в Бремене. То есть что-то было, самиздат, и я решил продолжать. Была неформальная периодика перестроечная – и это продолжать. Продолжать текущую периодику собирать, особенно региональную. Сам не понимал, для чего, но просто зная немецкие библиотеки и собрания, понял, что если есть такая возможность – собирать, то не надо от нее отказываться, не надо от сбора отказываться. Вот. И четвертое, что я предположил: что нельзя самиздат собирать, как собирали раньше... Вот вам самиздат, а от кого это пришло, кому принадлежало, все эти вопросы были и остаются вне интересов работников института. И я вижу, что получается бессмыслица, что сейчас уже пришел период историзации событий 20-30-летней давности, и мы не можем обойтись без того, чтобы, собирая самиздат, не собирать все то окружение, в котором этот самиздат производился. Иначе говоря, необходимо собирать самиздат внутри архивов, того, что у людей накопилось от их личной жизни, ну соединять одно с другим, то есть вернуться к классическому сбору архивов. Это отвечало моим затаенным мечтам – создать такой микрогуверовский архив на территории Германии...

Гуверовский...

Да, архив Стэнфордского университета, который с 1920-х годов собирал материалы по всему миру – архивы, которые более-менее отражали события, перевернувшие мир с Первой мировой войны и с 1917 года. Меня удивляло, что Германия, насыщенная эмигрантскими кругами, разными эмигрантскими землячествами, не интересовалась никогда архивами эмигрантов как сведениями о жизни в тех странах, откуда они произошли. Ну и тем, как эти эмигранты интегрировались в жизнь общества европейских стран.

Вопрос о выставке восточноевропейского самиздата. ясно, что пути Чехии, Польши и России после, как это здесь называется, «бархатной революции» разошлись. И на государственно-символическом уровне это заметно. Президентом Чехии, например, по-прежнему является бывший диссидент, а президентом России – бывший сотрудник организации, которая с диссидентами боролась. Самиздат, история правозащитного движения в России – это вовсе не заканчивающаяся эпоха, а для Чехии ясно, что это, как говорят, «уже история».

Мне очень легко ответить на этот вопрос, потому что я вынужденно никак не связан с подразделами нашего архива, которые называются «польский», «чешский» и т. п. Я принципиальный противник вообще разделения архивов на национальные кухни с собственными монастырскими уставами. Но вынужден действовать только в том разделе архива, который называется, условно говоря, русским. Но для меня никакой разницы нет... Я потерял нить... (смеется).

Ты сказал, что нет смысла в разделении архива на национальные квартиры, как говорили в перестроечное время.

Ни в коем случае нельзя! Ведь человек мог принадлежать двум-трем культурам одновременно, начинать с одной культурой и интегрироваться в другую культуру. Я не могу анатомировать и препарировать человека, а для меня архив и человек – фактически одно и то же, только в другом виде.

Как формируется русский литературный и политический архив сегодня? Какое место в нем занимают материалы третьей волны эмиграции?

Тоже сложный вопрос. Четкой программы не существует, потому что архив, увы, не является ядром института [Института Восточной Европы в Бремене / Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen], а является всего лишь одним из отделов института. Поэтому есть некая свобода действий, и в то же время есть существенный недостаток. Нету программы, я все время должен ее держать в голове: ни в коем случае не прекращать программу, когда бы то ни было начатую – до меня или мной. Обращать внимание прежде всего на материалы, которые могут пропасть. Мне безразлично, третья эмиграция, вторая, или вообще эмиграция. Единственное,

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

В своем рабочем кабинете в Архиве. Бремен, сентябрь 2008. ***Фото СВД***

если уж полностью материал не может относиться к нашему, и то я бы его подобрал и передал в какой-нибудь соответствующий архив. Я не ответил?..

Ответил. Другой вопрос: кто вообще интересуется здесь эмигрантскими или самиздатскими делами, кто пользуется архивом здесь, в Германии. Часто я вижу, как человек приходит, бродит вдоль витрин, смотрит на полуистлевшие иногда листочки и… не знает, что ему-то с этим делать, как разместить в собственной голове.

В общем, у меня один пример, пусть и опять не прямой ответ. Предыдущая выставка так называемого самиздата московского, «Препринтиум», была в Берлине, и там экспонировалось несколько книжечек из нашего архива, в том числе миниатюрная самодельная книжечка, сделанная одной заключенной в воркутинских лагерях в начале 50-х годов. Эту книжку увидел один студент, случайно проходивший в зал берлинской библиотеки, где была выставка, и она его потрясла, он стал заниматься темой, по-моему, «Женщины в ГУЛАГе». Это один из примеров, как люди начинают пользоваться архивом. А вообще архивом пользуются не по прямому назначению. Студентке нужно написать магистерскую работу. Если эта магистерская работа связана с самиздатом, то фактически достаточны, студентка так понимает это, опубликованные самиздатские тексты. Потому что материя самиздата ее не интересует пока что, она просто еще не разбирается. Исследователь профессиональный, из Германии, я не помню, чтоб обращался к ядру архива. Он может пользоваться вспомогательными материалами инфоархива (вырезки из газет), или собранием газет на данную тему, вот и все. Но на моей памяти еще не было ни одного человека из Германии, которого заинтересовала бы, скажем, история отношений между людьми, которые были вовлечены в диссидентское движение в 1970-е годы. Иногда – в основном в виде запросов – приходят просьбы что-то найти из Америки, из России, иногда из Англии, это касается конкретных вопросов, довольно-таки связанных с архивным материалом: есть ли материалы такого-то у такого-то и т. д. Но на самом деле, недовостребован наш архив, и я благодарю Бога, что он пока недовостребован, потому что архив, построенный на новой истории, не может быть сразу введен в действие: очень много возникает юридических вопросов: могу ли я, имею ли я право открывать какие-то материалы без разрешения кого-то, и т. п. Я должен быть крайне щепетилен в таких вопросах.

Какие, например, есть архивы полузакрытые или совсем закрытые от исследователей сегодня?

Я бы переформулировал. Любой архив, в котором есть материалы такого рода, должен был бы, по нормально действующим во всех странах архивным правилам, получить разрешение у тех, кто имеет право такое разрешение дать. Без их согласия не подпущу к архиву.

Имеются в виду и материалы…

…Архива Копелева, например. Они, по условиям завещания Копелева, закрыты, и, по общим, действующим во всем мире, архивным правилам, дневники, например 1950–70-х и далее годов, естественно, должны быть закрытыми пока. Но это не значит, что те, кто имеет право по всем законам получить доступ к ним, то есть прямые наследники, чтоб они не готовили исподволь эти дневники к печати, скажем, для издания лет через десять.

А архив журнала «Континент»?

Если это портфель редакционный, то – пожалуйста. Здесь вся вина падет на исследователя, воспользуйся тот не по назначению или с нарушением авторских прав. А к частной переписке (ибо архив «Континента» включает и частный архив Владимира Максимова), естественно, без разрешения вдовы доступа не будет.

Вообще, вопросы о держателях архивов больные вопросы. Для меня люди, по человеческим чувствам, увы, являются держателями архивов. Простят меня пускай люди. Я, как человек, – как парикмахер, который интересуется больше головами людей, во внешнем их виде, чем во внутреннем. <...>

А можно прыжок в другое время? Ты учился в Тартуском университете перед арестом. В своих воспоминаниях Сергей Адамович Ковалев пишет, что арестовывавшие и допрашивавшие называли тебя «малой антисоветской энциклопедией»…

Дело в том, что я очень не люблю свою диссидентскую деятельность, хотя аналитически я понимаю себя именно как диссидент. Всем известно, что большинство диссидентов себя не признают диссидентами. Я этим нелепым словом себя вынужден определить, потому что во мне столь сильно неприятие начальства, что, где бы я ни жил, я становлюсь, я остаюсь диссидентом. Это меня мучает. Это одно. Второе. Никакой энциклопедией я не был. Третье. Что третье?

Хотел спросить о Солженицыне…

Дело в том, что у Александра Исаевича совершенно четко сказано во втором издании его «Бодался теленок с дубом», отведено ровно такое место, которое я и имел. В остальном… Когда меня арестовали в 1973 году, был создан некий маленький миф, что я чуть ли не «Архипелаг ГУЛАГ» делал или еще чего-то. Ничего подобного: я был одним из тех бесчисленных людей, которые с радостью помогали Александру Исаевичу в чем бы то ни было. А именно тогда делался очередной узел его «Колеса», и просто у нас неким образом совпали область моих архивных интересов (я уже отошел от диссидентских дел, от «Хроники [текущих событий]») и его сюжетных линий, просто совпадение, и все. А так бы, если бы он попросил полы вымыть, то, наверное, и помыл бы.

Два года назад Борис Хазанов сказал, что весь политический, а отчасти и литературный самиздат, вся идеология, на которой это было построено в 1960–80-х гг., что это все в целом потерпело крах, и сейчас Россия вышла на совсем другие пути. Как бы ты прокомментировал эти слова в контексте выставки, которую подготовил?

Я длиннословный человек. Во-первых, начну так. Когда речь зашла о выставке, я ее принял, конечно, в штыки. Понимая, что она – для тех людей, которые никогда не знали, что такое самиздат, и тому подобное. Но я все-таки надеялся, что пойдет выставка по-другому, и предложил название: «Самиздат, заново прочитанный и увиденный». Хотелось перечитать все и посмотреть другими глазами на то общество, которое было. Потому что, ну что такое «потерпело

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

крах»? Ну, что, культура терпит крах? Я в этих терминах не могу думать. Но очень интересные вещи возникают. Можно проследить эволюцию Сахарова. Никаких жарких споров. Когда сейчас читаешь, не видишь смысла в разногласиях между Солженицыным и Сахаровым, которые возникали в 1973–75 годах. Видишь, я повторяю, эволюцию Сахарова от принятия, вполне без сомнения, положения КПСС как правящей партии в стране до совершенно четкого неприятия этого лидерства уже к 1975 году, кажется. Вот такое возобновление, такое освежающее чтение, уже историческое, на меня производит очень сильное впечатление. Скажем, когда [Андрея] Амальрика перечитываю, «Просуществует ли Советский Союз [до 1984 года]», меня интересует не только внешняя политика, построение страт, социология советского общества, но и другое: когда-то я тебе рассказывал. У нас в архиве хранится пленка с его предсмертным выступлением в летнем Сахаровском университете в Германии, 1980 года, где он сам спокойно анализировал свои ошибки в предвиденьях. Хотя эти ошибки – такие мелочи по сравнению с тем, что он очень четко и прекрасно эссеистически артикулировал. А в 1980-м выход был уже к другой работе: «Просуществует ли Европа или, если хотите, Запад к 2000 году». <...>

А механика работы против самиздата? Много ли нового тебе в последние годы удалось узнать о том, как Лубянка работала с самиздатом и самиздатчиками.

К сожалению, ничего не удалось узнать. Любопытно, конечно, но здесь мы упираемся в ведомственные архивы современной России, и просто недостаток энергии и возможностей моих работать с живыми архивами того же КГБ или Государственного архива Российской Федерации. Но за публикациями по мере возможности я стараюсь следить. И, конечно, меня очень интересует, когда впервые появилось слово «самиздат» в документах комитета госбезопасности – в 1967 или в 1969 году? В общем, определенные операции можно увидеть, можно увидеть фальсификацию документов. Как КГБ фальсифицировал, скажем. Издана книга о Солженицыне по материалам Политбюро, и в одном месте одно письмо, одна докладная записка КГБ в Политбюро или в секретариат ЦК касается моей единственной встречи с Александром Исаевичем, и там запись разговора. Я редко произношу слово «клянусь», так вот я клянусь, что 90% того, что передано было КГБ в политбюро – фальшивка. И... Ну... Все, я сник, я теряю, в общем... Особенно нового я ничего не нашел, но продолжаю просто внимательно читать эти документы. То есть мне показалось, например, что влияние сахаровских меморандумов конца 60-х – начала 70-х годов на Политбюро – было. В вопросах экологии, нивелирования понятия гласности, но все же гласности. Все время складывается впечатление, [что] вот «Письмо к вождям» – изучалось. Я в этом уверен, хотя никаких особых бумаг, кроме двух-трех документов на эту тему нет и, может, и не было. Но следы чтения!

Среди друзей на дне рождения. Бремен, сентябрь 2008. ***Фото СВД***

То есть политический самиздат оказывал определенное воздействие?

Не могу доказать, но – вижу следы. Другое дело, скажем, национальный самиздат. Скажем, меня интересует там, ну понятно: кто-то в руководстве страны был национально ориентирован, и даже линия видна, как мне кажется. Там, где стоит фигура первого секретаря МК КПСС [В . В.] Гришина, там обязательно где-то будет линия национальная доминировать. То есть какие-то акции, которые сверху в общественную жизнь запускались, вот как дискуссия 1977 года...

«Классика и мы»?

Да, «Классика и мы». В этом чувствуется рука московского горкома, а не, скажем, ЦК.

Не Суслова?

Никаких подтверждений нету, но просто по материалам. Это я атомарно не связанные вещи говорю.

Что было самым неожиданным из того нового массива самиздатских материалов, который поступил к тебе в последнее время? Не только политический, но и литературный.

Интересно, что политический самиздат сложнее искать, потому что это обычно относится... Потому что нужно знать, к кому конкретно обращаться, а в России я не ко всем могу обращаться. У меня существует договоренность с «Мемориалом» не пересекаться с ними в их поисках, и я предпочитаю ни с кем не конфронтировать из российских архивов, добровольно существующих, независимых от государства, ну чтобы считать, что архив это общее дело. Для меня личными были удачами это находки, казалось бы, случайные – в Ростове-на-Дону переводы Оруэлла «1984» замечательного человека – Михаила Константиновича Петрова.

Когда был сделан этот перевод?

Очень трудно пока понять, но не позже середины 1960-х годов. И «Ферма животных» того же Оруэлла. Находка почти случайная. Нет – не почти случайная, не случайная, для меня – случайная. Выход на целый пласт людей, так же активно живших самиздатом в 60-х годах. Для понимания самиздата – для моего личного: все же я довольно слабо понимал самиздат! – опять-таки я отождествлял самиздат с диссидентской деятельностью, – обнаружить, что наиболее массовыми произведениями самиздата являются не «Москва–Петушки», как я предполагал раньше, а – братья Стругацкие. И я охотно собираю, особенно по русской провинции, все пласты местной самиздатской активности – будь то клуб фантастики, клуб летающих тарелок, или клуб... <...>

Восточные единоборства? (смеются)

Ну, что-нибудь в этом роде. Из хороших находок. Вообще, меня очень интересует самиздат 1920-х годов. Пока кроме послания патриарха Тихона 1923 года я ничего не нашел. Насколько это самиздатский текст, это трудно понять, но его отчетливо такой светский вид, отсутствие старой орфографии, – ясно, что это околоцерковные некие круги, но – внешние. И – того же времени – 1923–25 год. Это просто маленькие удачки. Конечно, я хотел бы воспользоваться случаем поблагодарить тех людей, которые отзывались на мои просьбы и извлекали из своих собраний, удрученные судьбой самиздата. Надо сказать, что перестройка нанесла огромный ущерб именно сборщикам архивов самиздата. Люди отождествили самиздат с текстом. Если текст напечатан, то надо выбрасывать. Я их – как

ГАБРИЭЛИАДА: К 65-ЛЕТИЮ Г.Г. СУПЕРФИНА

архивист – понимаю. С одной стороны, рад, что это я могу получить от них. С другой стороны, не рад, потому что уже многого не могу получить – все уничтожено. Уничтожена, например, отцом Александром Менем его самиздатская библиотека была, потому что все было опубликовано.

Мелкими радостями архивиста являются такие находки, если у человека сохранилось вдруг в некотором объеме. Скажем, в Новосибирске у одной женщины, Юлии Лихачевой, оказался такой корпус самиздата, который совпадает с описанием новосибирского самиздата в воспоминаниях биолога-генетика Раисы Львовны Берг, которая жила в Новосибирске 1960-х годов. И для меня это радость, что я вижу, что существует некий круг чтения самиздата в определенных регионах. И это меня более всего интересует в исследованиях теперь, что самиздат можно исследовать социологически – и в географическом распространении, и как в разных кружках, какой репертуар самиздатский был, как распространялось. Особенно, скажем, круги, связанные с движением хиппи, или еще какие-то молодежные андерграунды, все это меня предельно интересует.

И какие лично для себя открытия сделал... Есть некие тексты, которые не сохранились. Меморандум Сахарова 1968 года, «Размышления о прогрессе» – практически нет... Насколько сохранилось письмо Раскольникова Сталину, насколько сохранились письма-следы подписантской кампании, письмо Солженицына съезду писателей, настолько отсутствует во всяких, домашних заначках, скажем, этот текст [Сахарова]. Естественно, меня интересует, как распространялась та или другая редакция этого текста. Ну, в общем, я всему рад.

Меня интересуют, например, разные списки Мандельштама. Потому что Мандельштам – наиболее списочный поэт, и меня происхождение разных списков самиздата интересует: что шло от вдовы поэта, что из других источников, – очень важно мне найти. Очень интересует меня лагерное: какие тексты распространялись в лагерном мире в сталинское время. Скажем, стихи Даниила Андреева как переписывались, это я частично представил на выставке. Я очень хочу найти Мандельштама, записанного в лагере. Будем ждать удач.

Спасибо большое за этот разговор.

Беседу вел
Гасан ГУСЕЙНОВ

Берлин, 8 сентября 2000

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА «ГАБРИЭЛИАДА»

Г.Левинтон, Н.Охотин. От редакторов

Наталья Горбаневская. «Строк в тюрьму не снести...»

«Где бы я ни жил, я становлюсь, я остаюсь диссидентом...» (Интервью взято *Г.Ч. Гусейновым*)

Д.И. Зубарев. Габриэль Гавриилович Суперфин

Л.И. Вольперт. Гарик Суперфин — студент ТГУ

Александр Грибанов. Краткий мемуар о докладе с длинными последствиями

В.П. Кузнецов. Байки ДУБРАВЛАГа

В.А. Мильчина, А.Л. Осповат. Из маргиналий к переписке Чаадаева

Михаил Вайскопф. Мнимый Гоголь в роли Ревизора

Михаил Безродный. СР.

А.В. Лавров. К истории журнал «Новый путь»: официальные документы

Роман Тименчик. К вопросу о проблемах атрибуции

«Транхопс» и около (По архиву М.Л. Лозинского): Часть II. Публикация *И.В. Платоновой-Лозинской.* Сопроводительный текст, подготовка и примеч. *А.Г. Меца*

Елена Толстая. Рукописная газета Первой Студии МХАТ как источник по истории еврейского театра в России

С.Ю. Неклюдов. Почему отравилась Маруся?

Т.Л. Никольская. К истории одного экспромта

Вяч. Вс. Иванов. Данные из архива Коминтерна о сотрудниках Коминтерна

Л.Г. Степанова. Письмо Вл. Б. Шкловского Н.Я. Марру (1927)

А.К. Байбурин. К предыстории советского паспорта

А.С. Архипова, М.А. Мельниченко. «Вот проценты за Ваш капитал!» К вопросу о генезисе и эволюции политического анекдота

Е.В. Душечкина. «Предание не верит в случайности» (Об адресате одной колыбельной)

Г.А. Левинтон. И мои архивные фрагменты

Борис Равдин. Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945

А.А. Макаров. Заметки о Б.Г. Меньшагине (По материалам архива Общества «Мемориал»)

Г.В. Кузовкин, С.А. Ларьков. «Хроника текущих событий»: проблемы комментария («Эпизод 4»: биографии сотрудников советской правоохранительной системы)

Т.В. Цивьян. Хрупкость стекла

Читайте научно-информационный портал Тартуского университета «Ruthenia»
(сетевая версия – www.ruthenia.ru)